

# ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

*Научная статья / Article*

УДК 304

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-10>

## **Поступок, ответственность и субъектность (К двойному юбилею М. М. Бахтина)**

**Григорий Львович Тульчинский<sup>1,2</sup>**

<sup>1</sup>Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

<sup>2</sup>Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,  
Санкт-Петербург, Россия  
gtul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

**Аннотация.** *Ряд идей М. М. Бахтина (относительно формирования самосознания, фундаментальной роли ответственности в этом процессе, диалогизма смыслообразования) обретают особую актуальность в контексте интенсивной трансформации социально-культурных практик в цифровых форматах. 2025 год — год двойного юбилея М. М. Бахтина. Это порождает удачный повод для анализа масштаба и перспективности этих идей.*

*Понимание бахтинских идей искажено их рецепцией, которая имела характер, обратный хронологии их развития. Это нарушило представление об исключительно целостном характере наследия мыслителя, особую роль в котором играет философия поступка.*

*Цель исследования состоит в раскрытии целостного характера идей М. М. Бахтина, их междисциплинарного значения.*

---

© Тульчинский Г. Л., 2025

*Работа содержит реализацию междисциплинарного подхода, что позволяет раскрыть масштаб и актуальность идей выдающегося мыслителя. Так, его идея о принципиальном не-алиби в бытии у индивида, наделённого самосознанием, подтверждается данными современной нейропсихологии (А. Дамасио, К. Либет). Роль первичности ответственности по отношению к сознанию свободы хорошо известна из практики воспитания, образования, профессиональной подготовки. Механизм формирования самосознания (субъектности) обусловлен нарративными дискурсивными практиками, связанными с освоением социально-культурных практик. Раскрытие семиотико-феноменологической природы субъектности делает её операционализацией трансцендентального субъекта.*

*Анализ показал, что философия поступка сводит в один фокус (точку сборки) тематику философии (трансцендентальный субъект, свобода воли, аналитическая и континентальная традиции); антропологии (пост- и трансгуманизм); психологии (психофизическая проблема, феномен воли), нейрофизиологии мозга, когнитивистики; AI; экономики; социологии, морали, этики и права; богословия; политической теории и практики. Концептуальным центром философии поступка является субъектность как рефлексивное самописание самосознания. Она выступает универсальным интерфейсом смыслообразования, который позволяет менять и совмещать различные контексты, проходит, прошивает все эти отрасли знания. В этом плане субъектность выступает основным источником прокреативной преадаптации, которая обеспечивала и обеспечивает развитие человеческой цивилизации.*

**Ключевые слова:** Михаил Бахтин, ответственность, поступок, свобода воли, самосознание, субъектность, цифровизация

**Для цитирования:** Тульчинский Г. Л. Поступок, ответственность и субъектность (К двойному юбилею М. М. Бахтина) // Человек. Культура. Образование. 2025. № 4. С. 10–31. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-10>

## **Act, responsibility and subjectivity (To the double Mikhail Bakhtin anniversary)**

**Grigorii L. Tulchinskii**<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> National Research University “Higher School of Economics”  
Sankt-Petersburg, Russia

<sup>2</sup> Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,  
St. Petersburg, Russia

gtul@mail.ru, <https://orcid.org/0000 0002 5820 7333>

**Abstract.** Significance of the issue. *M. M. Bakhtin's ideas (regarding the formation of self-awareness, the fundamental role of responsibility in this process, the dialogism of meaning-making) are particularly relevant in the context of the inten-*

*sive transformation of socio-cultural practices in digital formats. 2025 marks the double M.M. Bakhtin's anniversary. This provides an opportune moment to analyze the scale and potential of these ideas.*

*The understanding of Bakhtin's ideas has been distorted by their reception, which has been inverse to the chronology of their development. This has undermined the notion of the exceptionally holistic nature of the thinker's legacy, in which the philosophy of action (deed) plays a special role.*

*The goal of this study is to reveal the holistic nature of M. M. Bakhtin's ideas and their interdisciplinary significance.*

*The work realises an interdisciplinary approach, revealing the scope and relevance of this outstanding thinker's ideas. His idea of a fundamental non-alibi in the existence of a self-aware individual is supported by data from modern neuropsychology (A. Damasio, K. Libet). The primacy of responsibility over consciousness and freedom is well known from the practice of upbringing, education, and professional training. The mechanism for the formation of self-awareness (subjectivity) is determined by narrative discursive practices associated with the development of socio-cultural practices. Revealing the semiotic and phenomenological nature of subjectivity operationalizes the transcendental subject.*

*The analysis showed that the philosophy of action brings together in a single focus (assemblage point) the themes of philosophy (the transcendental subject, free will, analytical and continental traditions); anthropology (post- and trans-humanism); Psychology (the psychophysical problem, the phenomenon of will), neurophysiology of the brain, cognitive science; AI; economics; sociology, morality, ethics, and law; theology; political theory and practice. The conceptual center of the philosophy of action/deed is subjectivity as a reflexive self-description of self-awareness. It serves as a universal interface for meaning-making, enabling the shifting and combining of various contexts, interweaving and interweaving all these branches of knowledge. In this regard, subjectivity is the primary source of procreative preadaptation, which has ensured and continues to ensure the development of human civilization.*

**Keywords:** *Mikhail Bakhtin, responsibility, act, free will, self-awareness, subjectivity*

**For citation:** Tulchinskii G. L. Act, responsibility and subjectivity (To the double Mikhail Bakhtin anniversary). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2025; 4: 10–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-10>

**Введение: предварительные соображения о философии поступка М. М. Бахтина.** 2025 год стал годом двойного юбилея М. М. Бахтина: 130-летия его рождения и 50-летия смерти мыслителя. Самое время для осмысления роли, значения бахтинских

идей, их актуальности<sup>1</sup>. Сам М. М. Бахтин неоднократно идентифицировал себя как философа, в силу ряда обстоятельств биографии вынужденного заниматься филологией и историей литературы. И также неоднократно уже отмечалась специфика рецепции идей М. М. Бахтина, обратная становлению и развитию его творчества [1; 2].

После публикации книги о Рабле с легкой руки авторитетной у гуманитариев тартусско-московской семиотической школы, перевода на французский, организованного Ю. Кристевой, и активного продвижения ею и другими французскими семиотиками бахтинских идей М. Бахтин был воспринят как культуролог-структуралист. Издание работ по поэтике Ф. М. Достоевского, о литературном герое надолго сделала ключевой в гуманитарной среде бахтинскую идею диалогичности смыслообразования, а сам он стал восприниматься чуть ли не как коммуникативист. И только публикация в 1986 году его ранних материалов по философии поступка [3] всё расставила по местам. Открылся масштаб М. М. Бахтина-мыслителя, представшего одним из крупнейших философов прошлого столетия, главной темой которого являлось становление человеческого бытия, активной роли в этом самосознания личности, условий возникновения этого самосознания как «участного мышления». Стало ясно, что идеи и концепции диалогичности смыслообразования, карнавала, смеховой культуры — только веточки и листики на стволе философии поступка, уходящем корнями в метафизику нравственности и персонологическую онтологию.

Поэтому вполне правомерно рассматривать его тексты как жанр персонажного мышления, когда автор вкладывает свои идеи в реальных или выдуманных персонажей. В этом плане Достоевский и Рабле у М. Бахтина — персонажи, аналогичные Сократу у Платона, Заратустре у Ф. Ницше, дону Хуану у К. Кастанеды...

И ключевой для понимания логики развёртывания всего многоцветия комплекса бахтинских идей является именно философия поступка. Помимо прочего содержание развернутого конспекта этого неопубликованного при жизни трактата удивительно созвучно текстам его старшего брата Н. М. Бахтина. Прежде всего это па-

<sup>1</sup> Некоторые положения работы в контексте других научных дисциплин ранее были частично опубликованы автором в разделе «Субъектность как ответственное сознание самости: распределенная идентификация и прокреативность автопроекции» коллективной монографии «Человек как открытая целостность / отв. ред. Л. П. Киященко, Т. А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 63–75.

фос критики и неприятия абстрактного рационализма, предпочтении сопричастности непосредственной жизни (Н. Бахтин), участного мышления (М. Бахтин). Оба исходили из установки, что человеку пристало «смотреть на себя как на крутой, трудный путь к другому, подлинному себе... утверждать себя в сущем, а не вырывать из него» [4, с. 75]. Оба подчеркивали живую, творящую силу слова, поэзии, ритмики.

Н. М. Бахтин в признании приоритетности непосредственного бытия, необходимости «целостного идейно обусловленного действия» удивительно созвучен идее М. М. Бахтина об «участном мышлении», на основе которой тот в критике кантианской абстрактной метафизики нравственности мысли формулирует представление об отсутствии у человека алиби в бытии, о человеческом бытии как поступке, свободном, а значит ответственным. Поразителен факт временного совпадения: процитированные эссе и диалоги Н. М. Бахтина опубликованы в 1925–1927 годах — времени, которым датируется и «К философии поступка» М. М. Бахтина! Оба с 30-х годов и до конца жизни были вынуждены заниматься классической филологией — Николай в Бирмингеме, а Михаил в Витебске, Невеле, Петрограде и Саранске [5].

Братья были погодки, были очень близки, вместе учились в гимназии и университете, вместе принимали участие в движении Третьего (славянского) Возрождения. В силу ряда обстоятельств их жизненные пути разошлись, что выразилось и мировоззренческом контрапункте. Дело не только в том, что старший брат в Соединенном Королевстве стал членом компартии, а младший — глубоко религиозным человеком в атеистическом советском окружении. Если Н. М. Бахтин реализует нравственные установки на практике в своем непосредственном жизненном опыте участия в Мировой и Гражданской войнах, пятилетней службы в Иностранном легионе, расставшись с ним не по своей воле после серьезного ранения, то для М. М. Бахтина бытие есть постоянное и непрерывное смыслопорождение, а человеческое существование есть бытие смысловых структур, возникающих в результате взаимооплотнения и сопричастности смыслов. В этом плане поступок для него — интегральная фокусировка, сведение личностного и социального, сознания и действия, свободы и ответственности.

#### **Методы исследования, теоретическая база: мир поступка.**

Поступок не любая активность, не просто жизненные реакции (в т. ч. биологические). Он и не любая социальная активность, кото-

рая может быть бессознательной, стихийной. Он — проявление деятельности как осознанной социальной активности, реализуемой на основе свободного выбора (ср.: творчество, преступление, девиации, недеяние как сознательный отказ от активности, взятое слово). Другими словами, поступок суть вменяемое действие в обоих русских смыслах вменяемости: как осознанного замысла и ответственности за замысел и его реализацию. С этим связаны основные характеристики поступка: намерение, воля, выбор, осознанность, ответственность, а главное — наличие вменяемого актора (личностной субъектности).

У поступка есть границы квалификации его как такового — по мере их сужения: физические (в пространстве времени, телесные). Психические, моральные, правовые границы совпадают с границами личности, её свободы и ответственности. Они подвижны: историчны и относительно в различных культурах, будучи связаны с по-разному трактуемыми возрастом, болезнями, состояниями.

Поступок — сам по себе предмет в высшей степени междисциплинарный. Он не сводим ни к поведению, ни даже к деятельности, поддающимся достаточно точной концептуализации и операционализации в социологии, социальной психологии, этологии. Поступок — феномен, который реализуется как во внутреннем (личностном), так и внешнем (социальном) планах, а главное — их взаимодействии. В первом случае это переживание дискомфорта, потребности, связанных с нею мотивации интенций (намерения, стремления, избегания) и потенциалов (способности, обученность, «вооруженность» средствами) личности [6]. Это и возможности соотношения интенций и потенциалов, принятия соответствующего самостоятельного решения, и воля [7] по реализации этого решения, и уклонение от такого решения и его осуществления. Действие этого внутреннего мотивационного механизма поступка дополняется самим действием, используемыми средствами и результатом [8, р. 35–159]. Причем как результат, так и используемые средства, и само действие, да и его мотивация оцениваются социумом, самой личностью, становясь также мотивационным фактором. Тем самым поступок предстает системой, реализующей прямую и обратную связь личности с социумом [9; 10].

В этом плане философский анализ поступка обретает чрезвычайно актуальное значение. Само собой и прежде всего это фокусировка проблем свободы и воли, рациональности и ответственности, личности и общества, сознания и самосознания (субъект-

ности) применительно к современным нетривиальным цивилизационным условиям — таким как вызовы цифровизации и пост-, трансгуманизма. Осмысление поступка открывает широкие горизонты междисциплинарности, роли и значения гуманитарного знания. Нельзя не отметить и явный тренд философии последних двух столетий к персонологической тематике. Философия поступка помимо прочего выступает общей платформой или как минимум мостом между англоязычной и континентальной философией. И наконец, осмысление поступка в русскоязычном философском дискурсе выступает редким случаем нетривиальности русскоязычной терминологии и связанных с ними концептов. Так, содержание термина «поступок», в котором сопрягаются мотивация, действие и их оценка, не сводимо к act, action, deed; «вменяемость» не сводится к responsibility, а позволяет рассматривать ответственность в сопряжении с отрефлексированной мотивацией.

Даже из такого эскизного наброска содержания поступка очевидно, что в сведении представлений о поступке сходятся психологические, социологические, юридические и многие другие аспекты человеческого бытия. А главная проблема в осмыслении поступка — совмещение внутреннего (мотивационного) плана, воли и собственно внешнего действия, их оценки и самооценки.

Таким образом, в осмыслении поступка можно выделить три основные проблемы. Во-первых, это ментальный «внутренний» план поступка, составляющие его факторы: сознание и самосознание (самость, Я-концепт, «яйность»), воля, свобода воли, свобода и ответственность, их соотношение. Во-вторых, это внешние факторы, социально-культурная среда, нормы морали и права, социальный контроль, оценки, порождаемые ими социально-культурные эмоции: стыд, совесть, гордость, честь, достоинство, смех. И в-третьих, их сопряжение и взаимопереход «изнутри вовне» и «извне вовнутрь». Получается в духе известного путешествия Бильбо Бэггинса «Туда и Обратно»: от внешних факторов вглубь их рецепции и реакции на них, выработки мотивации, воли, и обратно вовне проявлений поступка, оценочной реакции на него социальной среды. Процесс соотношения, напоминающий не просто систему с прямой и обратной связью, сколько ленту Мёбиуса.

Одной из самых недавних и весьма операциональных моделей этой системы является «странная петля» (strangle loop), уподобляющая самосознание ленте Мёбиуса, самозамыкающей социализацию и индивидуализацию, внутреннее и внешнее бытие лично-

сти в ее сознании [11]. Однако в нашем дальнейшем изложении будет использоваться термин «субъектность» — он позволяет представить не только уникальное своеобразие «странной петли», но и ее носителя как активного действующего ответственного актора. Именно с субъектностью связывается проявление свободы воли, представляющее главное — вменяемого субъекта, обладающего рациональной мотивацией, который берет на себя или которому приписывается ответственность за действие, его средства и последствия, а также за саму мотивацию.

### **Результаты исследования и их обсуждение**

**1. Ответственность и свобода воли.** Бахтинская идея «участного мышления» и первичности ответственности по отношению к свободе подтверждаются в современных исследованиях самосознания и свободы воли. Многократно повторенные серии нейрофизиологических экспериментов [12–16] показали, что между реакцией на некий стимул и осознанной реакцией имеется зазор от нескольких десятых секунды до нескольких секунд. Данные электрохимической активности мозга позволяют предсказывать произвольные действия человека до того, как он сам осознает свое намерение это действие совершить. Зазор между нейрохимической активацией и осознанием мотива открывает возможность внешнего воздействия, неосознаваемой личностью манипуляции ее поведением. Например, электрическая стимуляция премоторной области коры головного мозга вызывает у человека осознанное намерение к совершению определенного действия и даже его осуществление. Из этого следует, что свобода воли суть «поздняя рационализация» действий, которые носили реактивный характер, происходили под воздействием неосознаваемых личностью факторов, реакций [17; 18].

Таким образом, отрицание свободы воли получает новые аргументы в духе Б. Спинозы: человек в силу каузальной детерминированности сущего лишен свободы воли, необходимой для моральной ответственности. Об этом, пишет С. Смилянски, лучше никому не рассказывать, иначе обществу конец [19]. Правда, согласно Д. Перебуму, следуя этой парадигме, вполне возможно пересмотреть право и мораль в плане более гуманного отношения к девиациям, ошибкам и промахам, быть к людям более снисходительными и терпимыми [20]. Знал ли Д. Перебум, что он фактически перефразировал Ф. Ницше, считавшего, что свобода, мораль и право выдуманы, чтобы оценивать и судить?

Однако приписывание упомянутым экспериментам доказательной силы против реальности свободы воли строится на усеченном представлении самодостаточности свободы воли как причины самой себя. Свобода заключается не в творении «из ничего», а в способности придать ситуациям, в которых находит себя человек, последовательность, ясность и направление в ее сознательном осуществлении. Для личности свобода воли — способность самоопределения в самообъяснении происходящего, нередко задним числом, *post factum*. Это свойственно мотивации — как не причины, а объяснения поступков, когда при некотором интеллектуальном усилии всегда можно найти более глубокую мотивацию [6; 8].

Такие самообъяснения определяют не стимульные реакции конкретных действий, а общую стратегию важного и допустимого поведения в общем нарративе жизненной стратегии. Свобода самоопределения выражается не в конкретных действиях «на короткой дистанции», а на «длинной дистанции», в процессе выстраивания «образа действия» (*Handlungsart*), некоей перспективы жизни как своей жизни [10, с. 165–169; 21]. Другими словами, на коротких интервалах времени действует каузальность, а не свобода воли. Но на длинных интервалах включается самосознание, выстраивающее осмысленную картину мира и ориентиры для последующих действий.

Свобода воли не линейный алгоритм, она встроена в динамику формирования истории собственной жизни и памяти этой истории. И такой жизненный сценарий — суть непрерывно развивающийся, дополняющийся, обогащаемый новыми и новыми событиями нарратив. Простым и хорошо известным тестом на вменяемость, тестом на то, что мы имеем дело с разумным, «сознательным» субъектом, является его способность ответить на вопросы — как его зовут, где он родился, где живет сейчас, кем работает и т. д., т. е. обладает ли он связной памятью, способен ли он выстроить целостный и связный рассказ о себе и своей жизни. Человек, утративший память, — невменяем в том смысле, что он не отдает себе отчета, кто он такой и как он оказался в настоящей ситуации. В этом плане самосознание суть эквивалент памяти и наоборот. В обоих случаях, буквально по-бахтински, речь идет о способности человека писать роман своей жизни, героем которой является он сам и который человек начинает писать примерно с 3-го года жизни, часто возвращаясь к первым его главам, иногда даже переписывая их. Именно в этой целостности длительного сохранения субъектности как авторства активности и локализуется свобода, а

в сопричастности своим проектам, включая общий проект (смысла) жизни, и проявляется воля.

**2. Нарративная природа субъектности и ответственности / свободы.** Дело не столько в самой свободе воли, сколько в её носителе, в субъектности. Именно наличие развитой субъектности выделяет человека из животного мира. Как показывают долговременные исследования нейрофизиологии мозга [22], можно различать три уровня сознания. Во-первых, это протосознание (*proto self*), фактически проявление *bios* живого организма. Этим уровнем сознания обладают все живые организмы. Во-вторых, это базовое сознание (*core self*), чувственно выраженная телесная выделенность в потоке ощущений, реакций от рецепторики. Этот уровень сознания предполагает развитую систему иннервации. И, наконец, это уровень собственно самосознания, рефлексия, выражающаяся в памяти. Недаром А. Дамасио называет этот уровень «автобиографической самостью» (*autobiographical self*). И если для *proto self* достаточно биоса, а для *core self* — иннервации с обратной связью (применительно к человеческому организму для этого достаточно таламуса), то *autobiographical self* уже связано с префронтальными зонами лобных долей мозга, отвечающих за освоение и использование речи.

В принципе, эти три уровня сознания являются формами гомеостаза, так или иначе свойственного всем природным системам, не только живым. Другими словами, сознание и самосознание являются формами (уровнями) реализации фундаментальной интенциональности как саморегуляции любых целостных систем, их стремления сохранить свою целостность [23, р. 6; 24, р. 375]. Спиноза был прав, говоря, что сознание в какой-то мере свойственно всему сущему — различие в степени развитости. Самосознание и субъектность по своему происхождению не противостоят природному миру, а коренятся в нем, они формы его развития, обеспечивающие гомеостаз — адаптацию и саморегуляцию достаточно сложных систем, каковыми до сих пор являются человеческие индивиды. Той или иной формой телесной выделенности в потоке взаимодействия с окружающим миром (*proto self*) обладают все живые существа, а тем более животные с развитой нервной системой и головным мозгом с их способностью к активной избирательности поведения (*core self*). Но только у человека возникает самосознание (*autobiographical self*), способность к памяти как писанию (и переписыванию) «романа» своей жизни, автором и глав-

ным персонажем которой выступает сам индивид. Для представленный этого феномена используется много концепций: самосознание, память, Я, самость, субъективность, вменяемость.

Но эти качества формируются. И механизм этого формирования коммуникативен. Речь идет о социализации, об освоении индивидом социально-культурных практик, которое Л. С. Выготский называл «вращиванием» программ социально-культурного опыта [25]. И этот процесс (семейного воспитания, образования, профессиональной подготовки, социальной активности и т. д.) сопровождается коммуникацией. При этом особую роль играет коммуникация нарративная — не просто побуждающая, а описывающая и объясняющая происходящее, в том числе роль в этих процессах самого индивида. Например: «Это не просто чашка упала, а ты ее уронил. Мог уронить, мог не уронить. Уронил. Это ты сделал!» В этих рассказах индивид вырывается из естественных каузальных процессов, причины замыкаются на нем, превращая его в *causa sui*. В этом заключается смысл воспитания, образования, профессиональной подготовки.

К середине второго — третьему году жизни ребенок осваивает нарратив от первого лица, рассказывая о себе, о тех действиях, которые он совершил или собирается, или даже собирался совершить. В таких рассказах и проявляется, формируется, развивается самосознание / память, человек предстает как автор романа собственной жизни. В этой нарративной, самосознательной как рефлексии над своим опытом, человек не только описывает этот опыт, но и выражает представления о прошлом и будущем, открывая возможности прогнозирования, воображения, фантазии.

Главное, однако, в этом то, что речь идет о субъектности, взятии индивидом на себя ответственности за происходящее, происходившее или то, что может произойти. И этой ответственностью изначально «грузят» другие, а субъектность оказывается вторичной, производной по отношению к этой ответственности. В этом плане глубоко и принципиально прав был М. М. Бахтин в своих размышлениях об отсутствии у человека «алиби в бытии» [3]. Сознание, разум не только вторичны по отношению к ответственности, но и являются ее инструментом, мерой осознания своих возможностей влияния на происходящее. И с этим согласится любой родитель, учитель, воспитатель, тренер.

Тогда становится понятным соотношение свободы и ответственности. Обычно ответственность рассматривается как след-

стве проявления свободы воли, которой наделена субъектность, — на этом строятся обыденные, теоретические и нормативные представления творчества, морали и права. Так что если бы был возможен спор между Н. А. Бердяевым, Ж.-П. Сартром, трактовавшими свободу как «дыру в бытии», а ответственность как следствие свободы, — с одной стороны и М. М. Бахтиным, утверждавшим вторичность свободы от ответственности, изначального «неалиби» человека в бытии, а сознания, разума, как меры и глубины ответственности, то, похоже, прав был бы М. М. Бахтин. Свобода — этот добытийный и внебытийный источник бытия, чувствительное трансцендентное [26], богоподобное качество и предмет богословских споров — не «дыра в бытии», а челнок, ткущий ткань бытия. И челнок этот — результат социализации, (не)лишний раз подтверждающий, что человек — существо социальное. И глубоко прав был Ф. Ницше: свобода и мораль придуманы другими, чтобы оценивать и судить нас. Но без этого «гружения» ответственностью самосознание и субъектность невозможны.

Важнейшими условиями формирования самосознания являются пока человеческий головной мозг и коммуникация. И если первый фактор — биологическая данность, заданная геномом, выступает только необходимой предпосылкой, то второй — условием необходимым и достаточным. Связь сознания и коммуникации, мышления и языка (как инструмента наиболее развитой коммуникации) известна. Однако только в последнее время приходит понимание, что дело не просто в языке, а в дискурсивных практиках, то есть использовании языка в конкретных ситуациях социального опыта, когда языковые конструкции (речь, текст) используются в каком-то событийном аспекте.

В этой связи особый интерес представляют нарративы — рассказы, истории с сюжетами, в которых фигурируют акторы, их намерения, действия, результаты этих действий, оценки результатов. Похоже, что именно освоение нарративной коммуникации играет ключевую роль как в антропогенезе, так и формировании самосознания личности. Так, конкурентное преимущество сапиенсов по отношению к другим видам homo, обретенное ими примерно 70 тысяч лет назад, похоже, было связано именно с «когнитивной революцией», заключающейся в освоении нарративной коммуникации [27]. Если сигнальная коммуникация (типа «тигр идет!») способна объединять не более полутора сотен индивидов (размеры стаи, рода, племени), то нарративная коммуникация, рассказы-

вание историй (типа «я утром видел тигра у водополя, и он был явно голоден и свиреп»), способна объединять уже сотни, тысячи, а как теперь очевидно — и миллионы особей. Потому что мифы, история, религия, политика, мораль, право, наука, образование, экономика, деньги и другие социальные институты, по сути дела, не что иное, как нарративы, которые люди рассказывают друг другу и в которые верят, строя планы, и в своих поступках воплощают, создавая новые реалии.

Более того, как уже было сказано выше, нарративная коммуникация оказывается важным ключом к пониманию природы формирования самосознания, которое суть осознание себя как чего-то особого, отдельного, выделенного в жизненном потоке, рефлексия. В процессе социализации, освоения социально-культурных практик, сопровождаемых нарративной коммуникацией, возникает не просто сознание, а самосознание, когда ребенок осваивает не только и не просто речь, но именно наррацию от первого лица. В этом сочетании с активацией себя как актора — суть самости. А если индивид осознает себя плюс собственную ответственность как факт бытия своего Я и проявления этого бытия (деяния или недеяния), то это уже и есть проявление субъектности — ответственного самосознания самости.

В самосознании петля обратной связи резонанса с телом дополняется рефлексивным самописанием самости (упомянутая «странная петля» Д. Хофштадтера). Как любая содержательная система самоописания, она противоречива, саморазличима и апофатична, что делает ее трансцендентальным субъектом — интерфейсом, обеспечивающим «позицию внаходимости» [28] по отношению к конкретным ситуациям. Фактически субъектность, семиотическое по своей природе образование, является операционализацией трансцендентального субъекта, носителем которого является любой индивид, обладающий самосознанием. Сама по себе субъектность физически не дана. Как трансцендентальный субъект, она подобна слепому пятну в глазу, которое, будучи само невидимым, обеспечивает возможность зрения, так и субъектность (= трансцендентальный субъект), будучи физически не наблюдаемой, обеспечивает возможность познания. Она является пробелом в бытии, незаполненность, незавершенность, готовая к дополнениям и перезагрузкам [29; 30, с. 387–418; 31, с. 23–47, 74–122].

Человеческое бытие и есть нехватка, отсутствие, утрата, стремление к «перемене участи». Главная идентичность самосознающей

личности — «человек без свойств», пластичная готовность к развитию, становлению иным. Это обстоятельство делает субъектность самости главным источником пластичности и динамики человеческой цивилизации, обеспечивающим ее прокреативность (избыточный запас вариантов, сценариев поведения), а тем самым и преадаптивность индивида и социума, упреждающий характер реакции на обстоятельства существования и развития [32], творчество, возможности пластичности поведения, расширения горизонта прошлого и будущего — всего того, что сейчас отличает человеческую цивилизацию.

В любом случае — да, субъектность, самосознание самости — результат социализации и освоения нарративной коммуникации. Да, свобода — эпифеномен культуры, «гружения» ответственностью в процессе ее освоения. Но это не отменяет факта возникновения «странной петли» самосознания и роли субъектности в поступках. Она проявляется и выражается не только и не столько в простых реакциях и рутинном поведении, сколько в поступках — деятельности не по предзаданному алгоритму.

И за всем этим стоит наррация, на глазах приобретающая междисциплинарное и фундаментальное значение [33]. Художественная литература неспроста стала столь благодатным и благодарным материалом для бахтинского анализа природы самосознания!

**3. Неизбытность субъектности.** Человек — существо, вынесшее механизм адаптации за рамки своей биологической природы. Если животный мир адаптируется за счет мутаций и естественного отбора, то человек, не мутируя как вид, заставляет мутировать среду, создавая культуру — систему порождения, сохранения, отбора, трансляции и воспроизводства социального опыта, которую Ю. М. Лотман определял как систему негенетического наследования информации о поведении [34].

Качественная новизна современности заключается в том, что человек имеет дело с новой целостной средой обитания — практически полностью искусственной. Современные социально-культурные практики в цифровых форматах, связанных с разработкой и использованием технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости [35], радикально меняют современный образ жизни во всех его проявлениях: экономике и бизнесе, науке и образовании, политике и государственном управлении, искусстве и культурных индустриях, в потреблении и личной жизни. Среда обитания, экосисте-

ма предстала не просто как техносфера, а целостная система взаимодействующих программ. В наши дни не столько новые технологии становятся частью нас (в протезировании, киборгизации), сколько мы — частью этих технологий. И в этой цифровой цивилизации, «метавселенных» личность становится не столько пользователем, сколько частью, опцией глобальных платформ и алгоритмов. Уже не столько новые технологии становятся частью нас, сколько мы — частью этих технологий. «Как печатная машинка, граммофонная пластинка и кинолента разделили и механизировали элементы смыслообразующей системы человека... цифровые технологии вновь начали перестраивать платы нашей субъектности» [36, с. 13].

Порождаемые цифровизацией вызовы многомерны и многовекторны. Но за всеми ими стоит обстоятельство, что в условиях цифровизации культура так или иначе становится буквально цифровой машиной программирования индивидуального опыта. Однако если социализированный индивидуальный субъект состоит из тиражированных элементов, то где оказывается «он сам», его субъектность? Кому и зачем нужен субъект в 1-м лице, когда все проблемы решаемы за него и без него в 3-м лице? Изнутри самой системы ответ затруднен. Напрашивается ответ, что «источник индивидуальной уникальности оказывается вне самого субъекта» [37, с. 1]. Если человек, его субъектность — часть, опция «машины культуры», то это уже ситуация не столько «Матрицы», когда человек и его субъектность — сырье для порождения реальности, сколько «Соляриса», где человек с его внутренним миром — порождение некоей глобальной целостности. Это не только перспектива секьюритизации и контроля всего и вся, буквально реализующего классические и новейшие антиутопии, когда тоталитаризм XX века предстает только «пробой пера».

Цифровые форматы вытесняют не только природный мир, но и его восприятие, сам опыт переживания «от первого лица». Это уже проблема не роботов, андроидов и прочих «двойников». И даже не машиноподобности человека. Его самость и аутентичность становятся побочным продуктом некоей «мега-машины» — искусственно созданной самодостаточной экосистемы. Это уже проблема не «мозаичного сознания», о котором много писали во второй половине прошлого века в связи со становлением массового информационного общества. Масштабы и скорости современной коммуникации таковы, что от человека требуется не рефлексивное рассужде-

ние, а «новая животность» — оперативная реакция, причем по не им выработанному алгоритму.

Мир, культура как воплощение цифрового кода — что это? Реализация идей Платона и Пифагора? Самообучающиеся (правда, пока еще созданным разработчиками алгоритмам на материале кейсов уже реализованного опыта) нейросети уже не только консультируют и ведут образовательные проекты, выигрывают у чемпионов мира в покер, где есть возможность блефа и манипулирования противником, они способны устанавливать коммуникацию между собой на специально придуманном ими языке, непонятном разработчикам, из-за чего последним приходится останавливать такие проекты. Продолжение же этого тренда чревато тем, что человеку придется вырабатывать институциональные формы сосуществования с наделенными субъектностью «не-людьми». Или это полное торжество рационализма, доведенное до его крайности, т. е. противоположности?

Да, культура всегда рассматривалась как система порождения, отбора, хранения, воспроизводства и трансляции социального опыта. Но эта система, воспроизводимая с помощью социализации, «вращивающей» программы социального опыта носителям этой культуры, для своего развития нуждается в индивидуализации — уникальном, неповторимом своеобразии этого освоения. В культурных практиках закрепляются смысловые картины мира, но динамича смыслообразования предполагает разнообразие точек зрения.

Поэтому смыслообразование начинается даже не в «диалоге культур». Всякая культура самодостаточна, нормативна (тем более — в цифровом изводе) и ни в каком «диалоге» не нуждается. В диалоге нуждаются люди — существа не самодостаточные, открытые к обмену (веществ, товаров, знаний). Человек конечен и осознает свою конечность. Он может уставать, болеть. Он испытывает эмоции, которые могут быть обусловлены состоянием организма, ситуациями, в которые человек попадает. Человек может быть доволен. Но чаще он не доволен, может хотеть чего-то нового. Именно эмоционально окрашенные переживания являются источником смыслообразования. Этим, своей эмоциональной настроенностью и рефлексией, он отличается от машины, которая может формулировать задачи по достижению цели, даже ставить цели — на какой-то ценностной шкале. Но выйти за пределы шкалы — сбой в программе. А человек сбоят постоянно — хотя бы в воображении, хотя бы из ressentimentа.

Это делает человеческие слабости преимуществом. Важно не просто сознание (оно моделируемо в 3-м лице), а способность мыслить, осознавать себя и Другого, т. е. самость субъектности в первом лице, выступающая универсальным интерфейсом прагматической смыслообразования, позволяющим переходить из контекста одной системы практики в другие, менять соответствующие интерфейсы, реализуя упомянутую прокреативную преадаптивность. Фактически речь идет об аналоге теоремы Гёделя — о невозможности полной формализации человеческого знания, в том числе транслируемого в коммуникации. Поэтому решение задачи видится в учете этого неформализуемого «остатка», а скорее — ядра коммуникации, т. е. в учете личностного фактора.

**Заключение.** Показательно, что рассмотрение порождаемых трендом цифровизации вызовов приводит к проблеме вменяемой субъектности. В этико-правовом вызове это выражается в соотношении технологии контроля и личностной парресии, в политэкономическом вызове — в экзистенциальной ренте, в метафизическом — в полюсах человека-опции и «не-человеческой» субъектности. Наиболее полно это выражается в антропологическом вызове — перспективах расслоения социума в зависимости от степени принятия и реализации ответственной субъектности.

Таким образом, современная проблема философии поступка и его сердцевины — субъектности вменяемого самосознания сводит в один фокус (точку сборки) тематику философии (трансцендентальный субъект, свобода воли, аналитическая и континентальная традиции), антропологии (пост- и трансгуманизм), психологии (психофизическая проблема, феномен воли), нейрофизиологии мозга, когнитивистики, AI, экономики, социологии, морали, этики и права, богословия, политической теории и практики. Она проходит, прошивая все эти отрасли знания. И, как уже отмечалось, именно субъектность до сих пор — основной источник прокреативной преадаптации, обеспечивавшей и обеспечивающей развитие человеческой цивилизации.

В условиях невиданного масштаба социально-культурного и (пост)антропологического инжиниринга возникает все более очевидный запрос на комплексную техногуманитарную экспертизу не только последствий реализации цифровых технологий, но и целей разработок, самих разработок, хода их внедрения и реализации. Такая экспертиза может быть только комплексной, междисциплинарной, но направленной на обеспечение, сохранение и развитие

субъектности — актора вменяемого поступка как ядра не только гуманитарности, но человеческой цивилизации. И при выработке критериев такой экспертизы наследие М. М. Бахтина сохраняет не-тривиальное значение и актуальность.

### **Список источников**

1. Осовский О. У., Дубровская С. А. (ред.) Мыслитель в своем отечестве: страницы истории рецепции личности и идей М. М. Бахтина в XX — начале XXI века. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2024. 240 с.
2. Тульчинский Г. Л. Уроки рецепции бахтинского наследия // Философские науки. 2011. № 10. С. 129–144.
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология техники : ежегодник. 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 82–160.
4. Бахтин Н. М. Из жизни идей: Статьи. Эссе. Диалоги. М.: Лабиринт, 1995. 191 с.
5. Тульчинский Г. Л. Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты // Вопросы философии. 2000. № 7. С. 62–90.
6. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб.: Речь, 2003. 296 с.
7. Ильин Е. П. Психология воли. СПб.: Питер, 2011. 368 с.
8. Wright G. H. von. Explanation and Understanding. Ithaca (NY, USA): Cornell University Press, 2004. 256 p.
9. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М.: Наука, 1986. 448 с.
10. Тульчинский Г. Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2020. 826 с.
11. Хофштадтер Д. Я — странная петля. М.: АСТ, 2022. 512 с.
12. Libet В. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // Behavioral and Brain Sciences. 1985. Vol. 8. No 4. Pp. 529–566.
13. Fried I, Mukamel R, Kreiman G. Internally Generated Preactivation of Single Neurons in Human Medial Frontal Cortex Predicts Volition // Neuron. 2011. Vol. 69. No 3. Pp. 548–562.
14. Haggard P. Human volition: Towards a neuroscience of will // Nature Reviews Neuroscience. 2008. Vol. 9. No 12. Pp. 934–946.
15. Trevena J., Miller J. Brain preparation before a voluntary action: Evidence against unconscious movement initiation // Consciousness and Cognition. 2009. Vol. 19. No 1. Pp. 447–456.
16. Wegner D. The Illusion of Conscious Will. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 419 p.
17. Мишура А. Поле битвы: свобода воли // Логос. 2016. Т. 26. № 5. С. 19–58.
18. Секацкая М. А. Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 163–169.

19. Smilansky S. Free Will and Illusion. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 344 p.
20. Pereboom D. Living Without Free Will. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p.
21. Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности. М.: Весь мир, 2018. 320 с.
22. Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. Pantheon, 2010. 384 p.
23. Dennett D. C. Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. Cambridge: MIT Press, 1998. 377 p.
24. Dennett D. C. Consciousness explained. Boston: Little, Brown and Co., 1991. — xiii+511 p.
25. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл: Эксмо, 2005. 1136 с.
26. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
27. Харари Ю. Н. Sapiens: краткая история человечества. М.: Синдбад, 2021. 512 с.
28. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
29. Шурипа С. Действие и смысл в искусстве второй половины XX века. СПб.; М.: Rugram\_Пальмира, 2021. 223 с.
30. Золян С. Т., Тульчинский Г. Л. Динамика смысла: глубокая семиотика и стереометрическая семантика. М.: ИД ЯСК, 2024. 448 с.
31. Золян С. Т., Тульчинский Г. Л., Чернявская В. Е. Прагмасемантика и философия языка. М.: ИД ЯСК, 2024. 328 с.
32. Асмолов А., Шехтер Е., Черноризов А. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018. 212 с.
33. Tulchinskii G. L. Chapter 1: Narration as a Platform for Interdisciplinarity: The Inter- and Cross-Disciplinarity of the Narrative Approach // Narratives in East Asia and Beyond. Interdisciplinary Perspectives on Using Narratives as a Research Method / ed. by E. Priupolina and T. D. Eckstein. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington books, 2023. Pp. 15–42.
34. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Среди мыслящих миров: статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
35. Целищев В. В. Алгоритмический ум. М.: Канон+, 2023. 512 с.
36. Гэллоуэй А. Р., Такер Ю., Маккензи У. Экскоммуникация. М.: Ад маргинем Пресс, 2022. 256 с.
37. Гвоздилов Д. Схоластика для инстаграма: к цифровой антропологии современности // Логос. 2019. Т. 29. № 6. С. 1–7.

## References

1. Osovsky O. U., Dubrovskaya S. A (eds.) *Myslitel' v sobstvennom otechestve: stranitsy iz istorii retseptsiy lichnosti i idey M. M. Bakhtina v 20-m — nachale*

*21-go veka* [A Thinker in His Own Country: Pages from the History of the Reception of the Personality and Ideas of M. M. Bakhtin in the 20th — Early 21st Century]. Saransk: Publishing House of the Mordov. University, 2024. 240 p. (In Russ.)

2. Tulchinskii G. L. Lessons in the Reception of Bakhtin's Heritage. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2011, no 10, pp. 129–144. (In Russ.)

3. Bakhtin M. M. Towards a philosophy of action. *Filosofiya i sociologiya tekhniki : ezhegodnik. 1984–1985* [Philosophy and sociology of technology : year-book. 1984–1985]. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 80–160. (In Russ.)

4. Bachtin N. M. *Iz zhizni ide: Statji. Ese. Dialogi* [From the life of ideas: Articles. Essay. Dialogues]. Moscow: Labyrinth, 1995. 191 p. (In Russ.)

5. Tulchinskii G. L. Nikolai and Mikhail Bakhtin: Consonances and Counterpoints. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2000, no 7, pp. 62–90. (In Russ.)

6. Obukhovskiy K. *Galaktika potrebnostej. Psikhologija chelovecheskikh vlechenij* [Galaxy of needs. Psychology of human drives]. SPb.: Rech, 2003. 296 p. (In Russ.)

7. Ilyin E. P. *Psikhologija voli* [Psychology of Will]. SPb.: Piter, 2011. 368 p. (In Russ.)

8. Wright G. H. von. *Explanation and Understanding*. Ithaca (NY, USA): Cornell University Press, 2004. 256 p.

9. Kudryavtsev V. N. *Zakon, postupok, otvetstvennost'* [Law, deed, responsibility]. Moscow: Nauka, 1986. 448 p. (In Russ.)

10. Tulchinskii G. L. *Filosofija postupka: samoopredelenie lichosti v sovremenom obshchestve* [Philosophy of the Act: Self-Determination of the Individual in Modern Society]. SPb.: Aleteia, 2020. 826 p. (In Russ.)

11. Hofstadter D. *Ja — strannaja petlja* [I am strangle loop]. Moscow: AST, 2022. 516 p. (In Russ.)

12. Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action. *Behavioral and Brain Sciences*, 1985, vol. 8, no 4, pp. 529–566.

13. Fried I., Mukamel R., Kreiman G. Internally Generated Preactivation of Single Neurons in Human Medial Frontal Cortex Predicts Volition. *Neuron*. 2011, vol. 69, no 3, pp. 548–562.

14. Haggard P. Human volition: Towards a neuroscience of will. *Nature Reviews Neuroscience*, 2008, vol. 9, no 12, pp. 934–946.

15. Trevena J., Miller J. Brain preparation before a voluntary action: Evidence against unconscious movement initiation. *Consciousness and Cognition*, 2009, vol. 19, no 1, pp. 447–456.

16. Wegner D. *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 419 p.

17. Mishura A. Battlefield: freedom of will. *Logos* [Logos], 2016, vol. 26, no 5, pp. 19–58. (In Russ.)

18. Sekatskaya M. A. Free Will and Predictability. Philosophical Analysis of Modern Research in Neuroscience. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2016, no 3, pp. 163–169. (In Russ.)

19. Smilansky S. *Free Will and Illusion*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 344 p.
20. Pereboom D. *Living Without Free Will*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p.
21. Henrich D. *Мышление и самобытие. Чтенія о субъективности* [Thinking and identity. Readings about subjectivity]. Moscow: Ves' mir, 2018. 320 p. (In Russ.)
22. Damasio A. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York: Pantheon, 2010. 384 p.
23. Dennett D. C. *Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology*. Cambridge: MIT Press, 1998. 377 p.
24. Dennett D. C. *Consciousness explained*. Boston: Little, Brown and Co., 1991. 511 p.
25. Vygotsky L. S. *Psikhologija chelovecheskogo razvitiya* [Psychology of Human Development]. Moscow: Smysl: Eksmo, 2005. 1136 p. (In Russ.)
26. Berdyaev N. A. *Filosofija svobody Smysl tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow: Pravda, 1989. 608 p. (In Russ.)
27. Harari Yu. N. *Sapiens. Kratkaja istorija chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind]. Moscow: Sindbad, 2021. 512 p. (In Russ.)
28. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Art, 1979. 424 p. (In Russ.)
29. Shuripa S. *Dejstvie i smysl v iskusstve vtoroj poloviny XX veka* [Action and meaning in the art of the second half of the twentieth century]. St. Petersburg; Moscow: Rugram\_Palmira, 2021. 223 p. (In Russ.)
30. Zolyan S. T., Tulchinskii G. L. *Dinamika smysla: glubokaja semiotika i stereometriceskaja semantika* [Dynamics of Meaning: Deep Semiotics and Stereometric Semantics]. Moscow: JaSK, 2024. 448 p. (In Russ.)
31. Zolyan S. T., Tulchinskii G. L., Chernjavskaia V. E. *Pragmasemantika i filosofija jazyka* [Pragmasemantics and philosophy of language]. Moscow: JaSK, 2024. 328 p. (In Russ.)
32. Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. *Preadaptatsija k neopredeljonosti: nepredskazoemyje marshruty evoljutsii* [Predaptation to uncertainty: unpredictable evolutionary routes]. Moscow: Akropol, 2018. 212 p. (In Russ.)
33. Tulchinskii G. L. Chapter 1: Narration as a Platform for Interdisciplinarity: The Inter- and Cross-Disciplinarity of the Narrative Approach. *Narratives in East Asia and Beyond. Interdisciplinary Perspectives on Using Narratives as a Research Method*. Ed. by E. Priupolina and T. D. Eckstein. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington books, 2023. Pp. 15–42.
34. Lotman Yur. M. *Semiosfera. Kul'turaivzryv. Sredimysljashchikhmirov. Stat'i. Issledovanija. Zametki* [Semiosphere. Culture and explosion. Among the thinking worlds. Articles. Researches. Notes]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2010. 704 p. (In Russ.)
35. Tselishev V. V. *Algoritmicheskij razum* [Algorithmic mind]. Moscow: Kanon+, 2023. 512 p. (In Russ.)

36. Galloway A. R., Tucker Y., Mackenzie W. *Ekskommunikatsija* [Excommunication]. Moscow: Ad Marginem Press, 2022. 256 p. (In Russ.)

37. Gvozdikov D. Scholasticism for Instagram: Towards a Digital Anthropology of Modernity. *Logos* [Logos], 2019, vol. 29, no 6, pp. 1–17. (In Russ.)

### ***Сведения об авторе***

**Григорий Львович Тульчинский**, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16); старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Россия, 190000, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29)

### ***Information about the author***

**Grigorii L. Tulchinskii**, Doctor of Philosophy, Professor, National Research University “Higher School of Economics” (16, st. Union of Printers, Sankt-Petersburg, 190008, Russia); Senior researcher Peter the Great St. Petersburg Politechnic University (29, Politekhnicheskaja str., St. Petersburg, 190000, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.10.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.10.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 23.10.2025

### ***Научная статья / Article***

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-31>

## **Характерные черты типологического образа национальной культуры**

**Павел Григорьевич Мартысюк**

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия  
Pr\_martis@yahoo.com

**Аннотация.** *Статья посвящена исследованию типологического образа национальной культуры, занимающего важное место в жизни любого народа. Будучи важнейшим элементом коллективной памяти народа на протяжении его продолжительного исторического существования, он выступает источником воспроизводства общенациональных ценностей, духовно-*